

А.А. Рогожин (г. Орел)

**СЛУЖБА, РОДСТВО И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО
В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ:
Б.П. ШЕРЕМЕТЕВ В «ДЕЛЕ ПОЛКОВНИКА
РОЖНОВА» В 1713–1715 ГОДАХ**

ПАТРОНАЖ справедливо можно считать одной из наименее изученных сторон человеческих взаимоотношений в России раннего Нового времени. Не столь заметные историку, но прочные связи между патроном и клиентами не просто существовали на разных уровнях государственного механизма, но порой определяли его работу¹. Одним из наиболее интересных периодов функционирования патронажа можно считать петровскую эпоху. Связано это с тем, что в историографии существует до сих пор значительное число стереотипов, прочно осевших на страницах ученых трудов. Институциональный подход к петровским преобразованиям по-прежнему оставляет в тени попытки подойти к этому вопросу с точки зрения реализации тех или иных практик, увидеть не абстрактные схемы реформ, а все многообразие вариантов восприятия и адаптации новых или не очень новых идей². Анализ реальных механизмов службы особенно обогащает военную историю начала XVIII в., открывая новые перспективы в изучении русской армии эпохи Петра I.

Среда командования русской армии была пространством напряженной служебной борьбы. Великая Северная война 1700–1721 гг. давала шансы выдвинуться способным военачальникам, но не одни лишь подвиги в битвах могли запустить карьерное возвышение. Круг офицерства, в котором столь высоки были ставки в игре, был питательной средой для столкновений интересов различных людей. В пестром командном составе русской армии этого периода, помимо различий в способностях, чертах характера и т. п., существовали и культурные различия, обусловленные разным воспитанием, конфессиональными предпочтениями и многим другим. В такой служеб-

ной борьбе постоянно организовывались те или иные «партии», как правило, вокруг одного признанного лидера, превращаясь в разветвленную сеть патронатно-клиентельных отношений. Покровительство высокопоставленного «благодетеля» способствовало развитию карьеры в верном направлении, причем, благодаря ему, клиент мог справиться с притязаниями соперников, а патрон, в свою очередь, ставил «своих» людей на офицерские должности, используя их в дальнейшем для своих нужд. Однако определить действия тех или иных сил в каждом случае весьма непросто, и лишь благодаря своего рода «разрывам», нарушениям привычного хода вещей мы можем наблюдать работу механизмов патронажа.

«Дело полковника Рожнова», разгоревшееся в 1713 г., было только еще одной историей из целой череды злоупотреблений властью имущих в петровской России. Историки писали об этом расследовании, но лишь в контексте перипетий служебного пути Б.П. Шереметева³ или политической борьбы в правящей верхушке⁴. В первом случае речь скорее шла о том, можно ли считать обвинения полковника справедливыми, какой ущерб они нанесли генерал-фельдмаршалу и чем завершился для него этот процесс, во втором же случае и вовсе этот эпизод интересовал историка как всего лишь одна из составляющих борьбы за влияние в верхах, в первую очередь между Б.П. Шереметевым и А.Д. Меншиковым. Более того, П. Бушкович опирался в своей работе на донесения иностранных дипломатов, что здесь, скорее, имеет негативную сторону. Порой использование этого источника оправданно тем, что дипломаты докладывали своему начальству такие подробности политической борьбы в окружении Петра I, которые не найти в других источниках. Однако о «деле полковника Рожнова» дипломаты писали явно понаслышке, путая детали этого расследования, к тому же в письмах иностранных дипломатов первые известия об этом деле относились к ноябрю 1714 г.⁵, хотя генеральный кригсрехт над провинившимся командиром состоялся еще в 1713 г., а свои сенсационные показания полковник начал давать не позднее июля 1714 г. Основывать на этих источниках можно лишь самые поверхностные выводы. Только подробный анализ материалов этого дела и различных сопутствующих ему нюансов позволяет различить за коррупционной составляющей реально действующий механизм патронажа, связанный с именем известного военачальника Б.П. Шереметева.

Попытаемся сначала свести воедино все, что нам известно о предыстории этого расследования. Г.С. Рожнов был заметным кавалерийским командиром в начальные годы Великой Северной войны. Свою службу в кавалерии стряпчий Г.С. Рожнов, как и многие другие чины московского списка, начал после разбора и записи в драгунский полк в 1701 г. Во всяком случае, в боярском списке 1700 г. он был записан среди стряпчих «полковой службы»⁶, а уже в 1701 г. числился стряпчим в начальных людях⁷. В 1701 г. под контролем Золотой палаты были организованы сразу десять новых драгунских полков, и, вероятно, Г.С. Рожнов был написан офицером одного из них⁸. В 1708 г. он стал полковником, командиром Тверского драгунского полка⁹ и даже в несчастливом и проигранном русскими войсками Головчинском сражении смог продемонстрировать присутствие духа и свои командные качества¹⁰. Перед Прутским походом 1711 г. полковника перевели командовать Гренадерским драгунским полком¹¹, и Г.С. Рожнов со своим новым полком в составе отряда генерала К.Э. фон Ренне участвовал во взятии Браилова, единственном успехе в Русско-турецкой войне¹². К.Э. фон Ренне даже просил царя через Б.П. Шереметева о повышении Г.С. Рожнова в чине, но его «представление» осталось без удовлетворительного ответа¹³. Однако успешная карьера была прервана в 1713 г., когда полковник превратился в обвиняемого в притеснении и поборах с населения Малороссии.

Не ставя себе цели оправдать Г.С. Рожнова (тем более что по всем пунктам его вина представляется неоспоримой, убедительного оправдания полковник найти не смог), постараемся разобраться в обстоятельствах этого дела. В 1712 г. полковнику Г.С. Рожнову было предписано со своим полком идти из Малороссии в Смоленск. От командования полковник получил «ордер», регулировавший этот марш. В нем подробно были расписаны все нюансы, в частности, число подвод, которое нужно было брать с населения. Однако этот «ордер» Г.С. Рожнов утаил от собственных офицеров. Приказ о марше был подписан 5 октября 1712 г., задним числом, когда полк уже прибыл в Смоленск. Всех офицеров полковник заставил подписаться в этом приказе под «правильными» датами и подать «лживые ведомости» о состоянии рот, в первую очередь, о потребности в подводах¹⁴.

В реальности на полк Г.С. Рожнова было собрано с населения намного больше подвод, чем требовалось, что, впрочем, признавал и сам полковник. С 1 мая 1713 г. он был под арестом, и после расследо-

вания генеральный кригсрехт под председательством генерал-майора кн. Г.С. Волконского¹⁵ вынес приговор. Г.С. Рожнов был признан виновным, было решено отстранить его от командования полком, заставить не только выплатить штраф в 500 рублей в царскую казну, но и заплатить владельцам не возвращенных обратно подвод¹⁶. Полковник пытался оправдываться своей болезнью, а также тем, что имел устный приказ генерал-майора Т. Кантакузино не возвращать «подъемных» лошадей, но эти оправдания никто не принял в расчет¹⁷.

Вопрос о том, имел ли полковник Г.С. Рожнов действительно приказ Т. Кантакузино или нет, очень интересен, но, к несчастью, практически не поддается проверке. Генеральный кригсрехт указал, что полковник должен был писать генерал-майору и просить письменного приказа, а не бросаться исполнять тот, который невозможно никак подтвердить. Однако интересно, что ряд офицеров полка Г.С. Рожнова не старался всю вину свалить на своего непосредственного командира, а пытался его оправдать даже в этом вопросе. Суд не поверил им, а сам генерал-майор Т. Кантакузино отвечал на соответствующий запрос, что никаких подобных распоряжений устно не отдавал. По его словам, Г.С. Рожнову был направлен письменный приказ брать подводы, если в полку нет необходимого числа подъемных лошадей, но в нем не было ничего, что могло бы подвинуть полковника на столь странную и непонятную интерпретацию¹⁸.

Генеральный кригсрехт осудил не одного Г.С. Рожнова. Вместе с ним были наказаны майор Кох (служивший за подполковника), который был лишен жалованья за полгода, капитан Чевкин (служивший за майора), который был разжалован в драгуны и приговорен к штрафу в 300 рублей, капитаны Сонцов и Хлопов, с которых суд потребовал по 100 рублей, а также поручики Свечин, Боборыкин и Калачев, приговоренные к уплате 80 рублей каждый. Другие офицеры, чья вина была не столь тяжелой, были приговорены к штрафу, а виновные 14 унтер-офицеров должны были быть наказаны батогами и разжалованы в драгуны. Вина всех вышеперечисленных различалась, но суть ее состояла в том, что они либо знали о существовании «ордера», но намеренно игнорировали его требования при попустительстве командира полка, либо подписали и предоставили «лживые ведомости» о состоянии вверенных им частей¹⁹.

Этот приговор по установленному порядку был передан для «конфирмации» вышестоящему военачальнику, а именно генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Прочитав предоставленный ему в

Лубнах текст приговора, Б.П. Шереметев заметно смягчил его. Он указал не брать с майора, капитанов и поручиков штраф, поскольку они и так не получали, будучи под арестом, свое жалованье, которое теперь можно направить на вознаграждение тем, кто служил в полку за них все это время. Исключением был капитан Чевкин, который и видел «ордер», и предоставил «лживые ведомости», и даже пытался запутать суд, сбивчиво давая разные показания. Он должен уплатить штраф в 300 рублей, но, тем не менее, генерал-фельдмаршал приказал разжаловать его не в драгуны, а в прапорщики. Половинчатое решение было и по поводу унтер-офицеров, которым подтвердили наказание батогами, но разрешили продолжать службу в прежнем чине²⁰. Другими словами, все действующие лица этого дела получили послабления в приговоре от Б.П. Шереметева. Все, кроме полковника Г.С. Рожнова.

Повод для того, чтобы возненавидеть генерал-фельдмаршала, у Г.С. Рожнова появился уже тогда. Однако дело этим не завершилось. В начале 1714 г.²¹ был организован второй кригсрехт, где председателем был генерал-майор И.Б. Вейсбах. В ходе разбирательства открылись прочие злоупотребления Г.С. Рожнова, в числе которых подложное «скасование» вахмистра в своем полку, для того, чтобы безнаказанно отпустить его со службы, отпуск на волю преступника, взятого им под расписку и т. д. В итоге Г.С. Рожнов был разжалован навечно в солдаты с уплатой штрафа в 2000 рублей, причем ему было указано вернуть под следствие отпущенного им арестанта, в противном случае отвечать по его обвинению (а это было убийство) он должен был сам собственной персоной²². После такого развития событий неудивительно, что полковник избрал своей целью генерал-фельдмаршала и его окружение, благо, что терять ему особенно было нечего. Однако для доноса было необходимо, чтобы был шанс передать царю столь важные известия. Такой случай вскоре представился полковнику.

Неизвестно, какими путями, но «дело полковника Рожнова» стало известно Петру I. Иначе непонятно, почему в январе 1714 г. царь через князя Я.Ф. Долгорукова обратился к Б.П. Шереметеву с приказом не приводить приговор в исполнение, а вместо этого прислать полковника и все материалы генерального кригсрехта в Санкт-Петербург²³. Шла ли речь о том, что уже тогда Г.С. Рожнов начал давать сенсационные показания, ставящие под удар самого генерал-фельдмаршала, или же царь просто заинтересовался, каким об-

разом один из наиболее опытных и способных командиров превратился в преступника, неизвестно, но с отправкой в Санкт-Петербург Г.С. Рожнов был больше неподконтролен генерал-фельдмаршалу. Примечательно, что как раз в этот период времени мысли царя занимал патронаж в офицерской среде, который позволял неопытным и неспособным офицерам, имеющим влиятельных родственников и покровителей, пробивать свой путь наверх. В конце февраля 1714 г. вышел известный указ о том, что все армейские офицеры должны начинать службу с низших чинов в гвардейских полках, потому что «многие производят сродников своих друзей в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для лица по несколько недель, или месяцев»²⁴. В свете такого интереса Петра I неудивительно, что показания полковника привлекли к себе его пристальное внимание.

Полковник был отправлен под караулом в составе поручика Т. Вепревского, драгуна и солдата в Санкт-Петербург в мае 1714 г.²⁵, где и начались допросы. Как только признания полковника дошли до Петра I, он передал расследование этого дела в руки лейб-гвардии майора Ф.Н. Глебова²⁶. К тому времени это начинало становиться обычной практикой, когда «майорские канцелярии» под началом преданных царю гвардейских офицеров разбирали наиболее щекотливые и запутанные дела²⁷. Судя по всему, вскоре о том, что говорил Г.С. Рожнов, через своих «благодетелей»²⁸ узнал генерал-фельдмаршал. Б.П. Шереметев написал царю отдельное письмо об этом деле, но отправил его через кабинет-секретаря А.В. Макарова, предполагая, что тот передаст его Петру I в подходящий момент²⁹. Вряд ли Б.П. Шереметев мог предусмотреть, утвердив обвинительный приговор Г.С. Рожнова, что он навлечет на свою голову большую беду. Показания полковника превратились в обвинения генерал-фельдмаршала, его приятелей, родственников и клиентов.

Что именно рассказал Г.С. Рожнов? Судя по словам полковника, генерал-фельдмаршал не гнушался брать с подчиненных в виде подношения лошадей, дорогую упряжь и даже деньги, причем Г.С. Рожнов утверждал, что ответил отказом на одно из последних требований Б.П. Шереметева, за что известный полководец теперь «имеет гнев»³⁰. Однако нам представляется, что не эта часть самая важная в показаниях полковника. Историки в основном сосредоточились на личности Б.П. Шереметева и его прегрешениях, выпустив из своего

рассказа об этом деле важный нюанс: значительная часть обвинений полковника не затрагивала генерал-фельдмаршала напрямую (да и та, что затрагивала, была практически недоказуемой), зато прицельно была по его окружению.

Главным обвиняемым стал генерал-адъютант Б.П. Шереметева П.Т. Савелов. По показаниям полковника, П.Т. Савелов потребовал за то, чтобы Г.С. Рожнова не судили по всей строгости военных правил, 40 червонцев и лошадь, что и получил сразу же. Но когда спустя 5 месяцев П.Т. Савелов потребовал от полковника еще 200 червонцев, тот был вынужден отказать, потому что таких денег уже не имел. Разгневанный генерал-адъютант ночью вернул ему полученные ранее деньги и лошадь³¹. Г.С. Рожнов в своих показаниях прямо не высказывал эту мысль, но она явно подразумевалась: если бы он заплатил П.Т. Савелову требуемую сумму, ему так же смягчили бы наказание, как и всем остальным, а так он вынужден был расплачиваться один за все грехи. Кроме того, Г.С. Рожнов обвинял генерал-адъютанта в том, что последний требовал и получал взятки от офицеров за повышения, отпуски со службы и т. п.³²

Г.С. Рожнов считал виновным в злоупотреблениях и второго генерал-адъютанта князя И.Ф. Барятинского. Князь был пожалован в полковники и стал командиром того полка, от которого отставили самого Г.С. Рожнова, при том, что было значительное число «заполощных» полковников из рассказованных полков³³. При этом вместо князя И.Ф. Барятинского генерал-адъютантом Б.П. Шереметев назначил своего племянника Василия³⁴. Провинились и другие офицеры. Князь Роман Волконский стал полковником за взятку в 200 рублей и бархатный чепрак ценой в 150 рублей, которые он передал П.Т. Савелову. Яков Щербаков, «из боярских людей», был пожалован из «домовой» роты генерал-фельдмаршала в подполковники, при том, что он даже «грамоты не умеет», вместо прежнего подполковника Суворова, отпущенного домой. Григорий Писарев был пожалован из адъютантов в подполковники Григорова полка вместо отпущенного домой подполковника Анненкова. Площадный подъячий Мерзлюкин был пожалован чином майора, при том, что «он нигде не служивал и шпаги не вынимывал», а майор Хомяков был отпущен домой. Денщики генерал-фельдмаршала становились прапорщиками и поручиками³⁵. Из недорослей писались в офицеры вперед «заполощных», опытных офицеров из рассказованных полков, причем затем новоиспеченные офицеры за отдельную взятку

отпускались домой. Г.С. Рожнов даже предлагал следствию проверить его слова по чиновным книгам и книгам раздачи жалования, ведущимся комиссарствами, и по отпускным книгам канцелярии генерал-фельдмаршала³⁶. Список людей, получивших повышение за взятки, можно было продолжить и пополнить десятками имен, но не только этим провинились офицеры.

В окружении Б.П. Шереметева использовались и более изощренные способы продвижения вверх по карьерной лестнице «своего» человека. Вадбольский, зять генерал-майора князя Г.С. Волконского, был пожалован в секунд-майоры в Новгородский драгунский полк, а затем приказом от того же числа мгновенно стал старшим майором уже в Сибирском драгунском полку. Даже подчиненные Г.С. Рожнова, подполковник Чириков и майор Кох, были далеко не безгрешны, неоднократно воровали лошадей, мундир, ружье и деньги. Сам полковник несколько раз писал на них жалобы, но никакого наказания они не получили, потому что «женат он Чириков из дому господина фелтмаршела»³⁷. Кроме того, Г.С. Рожнов говорил, что все полки, которые шли маршем в Смоленск, брали с населения лошадей, но виноватым решили признать только его³⁸. Даже сам Б.П. Шереметев и его генерал-адъютант П.Т. Савелов брали «многия поборы» на Украине, получали подарки от ахтырского бригадира, гадячского и сумского полковников³⁹.

В ноябре 1714 г. царь направил Б.П. Шереметеву список лиц, которых назвал на следствии Г.С. Рожнов, с приказанием «за караулом» срочно направить их в Санкт-Петербург⁴⁰. Точность и подробность показаний Г.С. Рожнова поразительна. Полковник перечислил злоупотребления столь широкого круга людей и поведал настолько точные подробности, что это представляется в большей степени попыткой «сотрудничать со следствием», уведомить власть о том, что происходило действительно в армии под командованием Б.П. Шереметева, заслужить этим если не прощение царя, то хотя бы смягчение своей вины. Раскрывая «неблаговидные» поступки начальства, полковник заодно своими показаниями обозначил расстановку сил в окружении генерал-фельдмаршала, а именно: связанные с ним отношения родства и покровительства персоны.

Г.С. Рожнов не случайно упоминал в показаниях свои непростые отношения с подполковником Т.И. Чириковым как причину «гнева» со стороны генерал-фельдмаршала. Семья Чириковых давно и прочно была связана с Б.П. Шереметевым. Первым своим браком знаме-

нитый военачальник был женат на Е.А. Чириковой, от которой имел сына и двух дочерей⁴¹. С 1705 г. генерал-адъютантом Б.П. Шереметева служил Л.С. Чириков⁴², который до этого был одним из его адъютантов⁴³. Он стал близким для генерал-фельдмаршала человеком. В начале 1711 г., когда было решено назначить Л.С. Чирикова комендантом только что завоеванной Риги, генерал-фельдмаршал обратился к Ф.М. Апраксину с просьбой походатайствовать перед Петром I об оставлении при нем генерал-адъютанта, причем Б.П. Шереметев откровенно писал, что ему «без него отнюдь пробыть невозможно: ибо никого помощника, кроме его, в делех нет», и по причине старости в одиночку он боялся что-либо «упустить»⁴⁴. Летом 1711 г. Л.С. Чириков был переведен на должность обер-кригскомиссара⁴⁵ и пожалован чином генерал-майора⁴⁶, а его преемниками в качестве генерал-адъютантов стали как раз П.Т. Савелов и кн. И.Ф. Барятинский. Сам Т.И. Чириков не только был связан с Б.П. Шереметевым родством, о чем говорил Г.С. Рожнов, но и, как выяснилось на следствии, «живет при фельдмаршале»⁴⁷. По этим причинам версия «гнева» генерал-фельдмаршала представляется вполне убедительной.

Мог ли Б.П. Шереметев или его генерал-адъютант П.Т. Савелов воздействовать на генеральный кригсрехт, как это утверждал Г.С. Рожнов, чтобы отстранить законным порядком строптивого полковника от командования полком? Прежде всего, стоит сразу оговориться, что своими действиями Г.С. Рожнов дал превосходный повод для разбирательства, а вина полковника очевидна. Однако не стоит сбрасывать со счетов прочные связи председателя генерального кригсрехта генерал-майора князя Г.С. Волконского с Б.П. Шереметевым и его окружением. Во-первых, Г.С. Волконский стал полковником весной 1702 г. по предложению именно генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Б.П. Шереметев в донесении царю указывал на негодность пятерых драгунских полковников, предлагая выбрать вместо них новых, которым «не стыдно было полковниками назватца, и было бы около ево уборно какою збуею, также и в лошедях». В числе таковых генерал-фельдмаршал назвал князя Г.С. Волконского⁴⁸. Во-вторых, князь Г.С. Волконский накануне злополучного дела еще в 1711 г. обращался к Б.П. Шереметеву через как раз генерал-адъютанта П.Т. Савелова, когда ему надо было получить выгодное назначение для известного ему офицера⁴⁹. Судя по всему, и назначение князя Р.С. Волконского, младшего брата генерал-майора⁵⁰, за предполагаемую взятку полковником также было не простым

совпадением. Наконец, младшая сестра князя Г.С. Волконского Анна была замужем за князем М.Ф. Барятинским⁵¹, братом генерал-адъютанта князя И.Ф. Барятинского, назначенного полковником, пусть и ненадолго, как раз вместо отстраненного Г.С. Рожнова.

В итоге, мы имеем дело не со случайными злоупотреблениями и ошибками Б.П. Шереметева, а со сгруппированными вокруг него клиентами в лице генерал-майора князя Г.С. Волконского, генерал-адъютантов П.Т. Савелова и князя И.Ф. Барятинского, адъютантов, денщиков и прочих, которые действовали для собственной выгоды при попустительстве генерал-фельдмаршала, если не с его согласия. Вполне показательно с точки зрения практик реализации власти в раннемодерном государстве и то, что Б.П. Шереметев не только пытался оправдаться официально в письмах к царю, но и прибегал к поддержке своих «благодетелей». Б.П. Шереметев написал письма с просьбой о помощи в этом деле Савве Владиславичу-Рагузинскому и А.В. Кикину, причем последнему в письме он передал и свое письменное оправдание на пункты обвинения Г.С. Рожнова, чтобы его приятель мог вести оборону, основываясь на показаниях самого генерал-фельдмаршала⁵². Написал по этому же поводу генерал-фельдмаршал и Ф.М. Апраксину⁵³. Параллельно со своим покровителем Б.П. Шереметевым действовал и генерал-адъютант П.Т. Савелов. В июле 1714 г. он написал кабинет-секретарю А.В. Макарову письмо, в котором просил о заступничестве. Он писал, что Г.С. Рожнов говорит царю неправду о нем и Б.П. Шереметеве, «дьявольским ядом изливает» за то, что судили его «правдою и поноворки не было». П.Т. Савелов утверждал, что не мог никоим образом воздействовать на генеральный кригсрехт, тем более уговорить его членов наказать Г.С. Рожнова как своего врага, потому что в его составе «генеральные персоны», и, по его словам, «кто меня послушает». П.Т. Савелов говорил и том, что если бы он действительно брал взятки в таких размерах, как это описывал полковник, на него давно бы кто-нибудь подал жалобу, но таких жалоб не было. Гетман же и «черкасские» полковники, как оправдывался генерал-адъютант, если и присылали скотину, то только «в честь», как подарок на праздники, и от этого подарка было не принято отказываться⁵⁴.

Однако главную роль в прощении Б.П. Шереметева, по известиям саксонского посла Ф. Лооса, сыграл князь В.В. Долгоруков, который поддерживал генерал-фельдмаршала не случайно. Их объединяло высокое происхождение, соперничество с князем А.Д. Меншиковым

и некоторое сочувствие царевичу Алексею, что выяснится позднее. Наконец, родственные связи, браки в кругу «боярской аристократии» были традиционными, поэтому «фамилия» Долгоруковых была связана с Б.П. Шереметевым прочно. Вторым браком князь был женат на А.П. Шереметевой, родственнице (дочери двоюродного брата) фельдмаршала Б.П. Шереметева⁵⁵. Младшая сестра князя, Федосья Долгорукова, была замужем за младшим братом киевского губернатора князя Д.М. Голицына П.М. Голицыным⁵⁶. В этом контексте подобную связь также можно считать значимой, учитывая не только принадлежность всех этих «фамилий» к родовитой русской аристократии, но и то обстоятельство, что князь Д.М. Голицын был близким к Б.П. Шереметеву человеком, которого генерал-фельдмаршал указал своим душеприказчиком в завещании⁵⁷.

В чем выражалась поддержка князя В.В. Долгорукова, трудно сказать, как, впрочем, и найти прямые подтверждения словам Ф. Лооса. Однако интересны два нюанса. Вести расследование по показаниям Г.С. Рожнова был назначен генерал-майор, обер-штер-кригскомиссар и лейб-гвардии майор Ф.Н. Глебов. С точки зрения практики «майорских канцелярий» в этом назначении нет ничего странного, но генерал-аудитором на генеральном кригсрехте против Г.С. Рожнова был Ф.Б. Глебов, двоюродный брат лейб-гвардии майора. Если в процессе и были какие-то нарушения и упущения, то странно было бы ожидать от родственника участника, что он их неожиданно предаст огласке. Царь в этот период доверял князю В.В. Долгорукову, и в этом назначении можно увидеть попытку князя передать расследование в руки преданного человека и сослуживца по гвардии. Косвенно это подтверждается концовкой процесса. 4 апреля 1715 г. было указано отписать в казну поместья и вотчины состоявшего под судом Г.С. Рожнова, а уже 5 апреля Ф.Н. Глебов «бил челом», прося пожаловать его за службу и передать ему это имущество. Царь согласился с доводами Ф.Н. Глебова и приказал отдать ему поместья и вотчины полковника. Обращает на себя внимание скорость, с которой решилось это дело. 4 апреля было вынесено решение об «отписании на царское величество» поместий и вотчин опального полковника, а уже на следующий день Ф.Н. Глебов не просто подал челобитную, но и добился царской резолюции на своем прошении. 6 апреля В.В. Долгоруков писал об этом решении Сенату, и вновь, всего день спустя, Сенат закрепил решение по прошению Ф.Н. Глебова, передавая ему все земли Г.С. Рожнова⁵⁸. В том, что проведенный

следствие лейб-гвардии майор получал имущество преступника, нет ничего странного, достаточно вспомнить процесс по делу царевича Алексея и его итоги, но все же сцепление этих имен, Ф.Н. Глебова и кн. В.В. Долгорукова, больше напоминает вознаграждение клиенту и сослуживцу за услуги, чем простое поощрение следователя.

В итоге таких усилий Б.П. Шереметева и его «благодетелей» «дело полковника Рожнова» не нанесло ущерба авторитету генерал-фельдмаршала. Судя по всему, его постарались замять и свести все к банальному наговору обиженного командира на свое начальство. Г.С. Рожнов, «за его многия воровския вины, за которыя довелся было смертной казни», был бит кнутом и сослан на «вечное житье» в Сибирь, в Тобольск, куда полковник отправился летом 1715 г. под караулом из шести солдат⁵⁹. Судя по донесениям иностранных дипломатов⁶⁰, Б.П. Шереметев смог даже извлечь пользу из этого дела, попросив отставки у Петра I. Царь, естественно, не отпустил в деревни своего самого опытного военачальника, вернув ему командование над армией.

Патронатно-клиентельные отношения в России раннего Нового времени зачастую не просто определить, а тем более не просто выявить степень их влияния на тот или иной процесс. Речь идет о получении доступа к определенной привилегии, получении «милости» в обход других, возможно, более достойных претендентов, и не удивительно, что и «благодетель», и его «слуга» старались замести все следы подобных отношений. Казусы, подобные «делу полковника Рожнова», становятся для историков счастливыми случайностями, позволяющими увидеть сбой в работе механизма патронажа, благодаря чему можно рассмотреть и сам механизм во всех подробностях. В этом отношении не столь уж важны мотивы сторон в этом процессе и их личная заинтересованность, гораздо важнее, что показания загнанного в угол и скорее всего подвергнутого пытке полковника придают очертания картине патронажа в правящей элите. В поисках ключа к мотивам принятия тех или иных решений, странным поворотам в судьбах деятелей эпохи преобразований необходимо учитывать как важнейший фактор родственные и патронатно-клиентельные связи, пронизывающие, как показывают нам материалы допросов полковника Г.С. Рожнова, в том числе, среду военного командования петровской России.

¹ См.: Патронат и клиента в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. Сб. науч. работ (Источник. Историк. История. Вып. 4) / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2004. С. 255–287. Основную историографию вопроса см. в работе: Krom M. Formender Patronageim Russlanddes 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiv end ervergleichenden Forsch ung Im europäis chen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 57. (2009). H. 3. S. 321–345.

² В этом отношении одной из наиболее интересных попыток переосмыслить историю петровских преобразований и заметить реальные практики управления можно считать работы П. Бушковича об истории политической борьбы в правящей элите петровской эпохи и И. Федюкина об «административном предпринимательстве» начала XVIII в., которые также затрагивают и вопрос патронажа. См.: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 2009; Федюкин И. 1) «Прожектеры» как административные предприниматели: становление раннемоде рных государственных институтов и индивидуальная инициатива // В кн.: «Регулярная академия учреждена будет ...»: Образовательные проекты в России в первой полови не XVIII века (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 11) / Науч. ред. и сост. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С.13–33; 2) Роль ад министративного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

³ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 130–132, 212, 218, 225; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 94–96.

⁴ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. Н.Л. Лужец кой. СПб., 2009. С. 325–326, 334–336.

⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. С. 325.

⁶ Боярский список 1700 г. Л. 547 // Захаров А.В. Информационно-поисковая полно текстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 16.09.2016).

⁷ Там же. Л. 254.

⁸ О наборе драгун в Золотой палате см.: Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным опи санием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. I. СПб., 1912. С. 17–36.

⁹ Тагарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 301.

¹⁰ См.: Мышлаевский А.З. Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. С. 128–175, особенно С. 153–159.

¹¹ Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. IV. СПб., 1912. С. 254. Документы драгунского полка под полковника-иноземца Петра Михайловича Деолова. Приложения LV. № 4.

¹² Реляция об атаке Браильской 1711 г. Документы общего содержания. № 42 // Война с Турциею 1711 года (Прутская операция) (Сборник военно-исторических материалов. Вып. XII). СПб., 1898. С. 263–264.

¹³ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБПВ). Т. XI. Вып. 2 (июль– декабрь 1711 года) / Под ред. Б.Б. Кафенгауза, А.И. Андреева, Л.А. Никифорова. М., 1964. С. 412. Примечания к № 4703.

¹⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 22. Л. 455–455 об.

¹⁵ Там же. Л. 455.

¹⁶ Там же. Л. 455 об. – 456.

¹⁷ Там же. Л. 456.

¹⁸ Там же. Л. 456 об.

¹⁹ Там же. Л. 458–459 об.

²⁰ Там же. Л. 460 об. – 461 об.

²¹ В XXV томе Сборника императорского Русского исторического общества был опубликован указ Петра I, направленный Б.П. Шереметеву с повелением провести генеральный кригсрехт над полковником Г.С. Рожновым, а вместо него назначить командовать драгунским гренадерским полком полковника Хлопова. В сборнике этот указ датирован 18 декабря 1714 г., вероятно, из-за описки в конце документа, где проставлена именно эта дата. Однако в декабре 1714 г. Г.С. Рожнов уже несколько месяцев был под следствием в Санкт-Петербурге, к тому же на копии письма стоит помета о получении письма с этим указом в Лубнах в марте 1714 г. Очевидно, что указ Петра I был направлен генерал-фельдмаршалу 18 декабря 1713 г. См.: Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 339 // Сборник императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. XXV. СПб., 1878. С. 401.

²² Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 336. С. 397–398.

²³ Там же. № 331. С. 386.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (далее – ПСЗ). Т. V. (1713–1719). СПб., 1830. № 2775. С. 84.

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. IV. Год 1714-й. Кн. II (июль–декабрь). СПб., 1891. № 755. С. 609.

²⁶ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 23. Л. 233.

²⁷ См.: Бабич М.В. 1) Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 36–68; 2) Из истории государственных учреждений XVIII в.: «Майорские канцелярии» // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 21–31; Серов Д.О. 1) Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого) / Ред.-сост. С.В. Ефимов. СПб., 2001. С. 79–93; 2) Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 351–373.

²⁸ Б.П. Шереметев мог быть в курсе, как развивалось «дело полковника Рожнова», благодаря письмам адмирала Ф.М. Апраксина. Во всяком случае, в мае 1714 г. генерал-фельдмаршал просил своего «особливого и склонного благодетеля» извещать его о «вышереченных моих делах», хотя и не говорит, о каких именно делах идет речь. См.: Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 336. С. 393.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 21. Л. 79 – 79 об.

³⁰ Там же. № 22. Л. 462.

³¹ Там же. Л. 462 – 462 об.

³² Там же. Л. 462 об. – 463.

³³ Кн. И.Ф. Барятинский, если и был полковником Гренадерского драгунского полка, то лишь до начала 1714 г., когда прибыл назначенный царем полковник Хлопов. –

- См.: Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 339. С. 401.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 22. Л. 463. Это был сын младшего брата Б.П. Шереметева Василия. См.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. III. СПб., 1856. С. 500–501.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 22. Л. 463 об. – 464 об.
- ³⁶ Там же. № 23. Л. 233.
- ³⁷ Там же. № 22. Л. 464 об.
- ³⁸ Там же. Л. 465 об. – 466.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 23. Л. 233.
- ⁴⁰ Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 338. С. 399–400.
- ⁴¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. III. СПб., 1856. С. 500.
- ⁴² Примечания к № 862 // ПБПВ. Т. III (1704–1705). СПб., 1893. С. 869.
- ⁴³ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. I / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1871. Стб. 149–150.
- ⁴⁴ Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 г.). № 287. С. 321.
- ⁴⁵ ПСЗ. Т. IV. (1700–1712). СПб., 1830. № 2412. С. 724.
- ⁴⁶ Патент Л.С. Чирикову на чин генерал-майора. Августа 18 // ПБПВ. Т. XI. Вып. 2 (июль–декабрь 1711 года). М., 1964. № 4696. С. 98.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 23. Л. 232 об.
- ⁴⁸ Резолюции на докладе Бориса Петровича Шереметева (1702 ранее марта 26) // ПБПВ. Т. II (1702–1703). СПб., 1889. № 416. С. 24.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 20. Разряд XX. Дела военные. Оп. 1. № 405. Ч. I. Л. 357–357 об.
- ⁵⁰ Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 735.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 131.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 21. Л. 302–303 об.
- ⁵⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854. С. 91; Ч. III. СПб., 1856. С. 499–500.
- ⁵⁶ Там же. Ч. I. С. 286–287.
- ⁵⁷ Духовное завещание генерала-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Русский архив. 1875. № 1. С. 86. Еще одним душеприказчиком был тогда уже бывший генерал-адъютант П.Т. Савелов.
- ⁵⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. V. Год 1715-й. Кн. I (январь–июнь). СПб., 1892. № 423. С. 313; Указы, повеления и письма императора Петра I разным лицам (Из архива правительствующего сената). № СXXX // СИРИО. Т. XI. СПб., 1873. С. 287–288. За полковником Г.С. Рожновым числилось 92 двора в Московском, Ржевском, Галицком, Суздальском, Чернском, Клинском, Старицком и Тверском уездах // Там же. С. 313. Жена Г.С. Рожнова, Аграфена Михайловна, пыталась добиться от Се-

ната, чтобы в казну не отбирались «приданные» ей, перешедшие по наследству от ее отца и доставшиеся от первого мужа поместья и вотчины, но неизвестно, добились ли она своего // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. V. Год 1715-й. Кн. I (январь–июнь). СПб., 1892. № 423. С. 314.

⁵⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. V. Год 1715-й. Кн. II (июль–декабрь). СПб., 1897. № 837. С. 664–665; № 843. С. 669–670.

⁶⁰ См.: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. № 106 // СИРИО. Т. LXI. СПб., 1888. С. 354.